

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

**КОНСТАНТИН
СОЛОВЬЕВ**

**РАУБРИТТЕР III
FIDEM**

**МОСКВА
2023**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

Иллюстрация на переплете *В. Манюхина*

Соловьев, Константин Сергеевич.

С60 Раубритгер III. Fidem / Константин Соловьев. — Москва : Эксмо, 2023. — 480 с.

ISBN 978-5-04-168728-1

Гримберт, маркграф Туринский, многими недоброжелателями прозванный Пауком, с детства отличался склонностями к политическим интригам, мнил себя талантливым манипулятором, всегда достигающим поставленной цели. В какой-то момент он сделал роковую ошибку, сам сделавшись целью заговора, и этот момент перечеркнул все, что у него было. Больше нет ни титула, ни почета, ни уважения, к которому он привык. Есть только потрепанный рыцарский доспех, пара устаревших пушек и малопочетное ремесло раубритгера. Разбойника, наемника и авантюриста без герба и чести. Но в выжженном радиоактивном мире, который и без того трещит по швам, раздираемый феодальными и религиозными распрями, это уже что-то. Как знать, может, Пауку удастся σκοпить достаточно яда, чтоб отомстить своим обидчикам...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168728-1

© Соловьев К.С., текст, 2023
© Оформление. ООО Издательство
«Эксмо», 2023

Каждое чудо должно найти свое объяснение, иначе оно просто невыносимо.

Святой Карл Пражский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Любезный! Вы паромщик?

Человек в широкополой соломенной шляпе и с трубкой в зубах приоткрыл глаза, серые и невыразительные, как заполненные дождевой водой отпечатки копыт в земле.

— Чего желаете?

— Желая переправиться на остров, и поскорее. Во сколько это обойдется?

Паромщик не удостоил его вторым взглядом. Вместо этого он коротко затянулся из пеньковой трубки, исторгнув в воздух клуб желтоватого дыма. Судя по запавшим глазам и мелким кровоточащим язвам на губах, курил он какой-то тонизирующий алкалоид, но Гримберт сомневался, что это был благородный эггонилбензоат. Скорее, какая-то дявольская смесь из львиного хвоста, голубого лотоса и шалфея, популярная в здешних краях. Мертвый немигающий взгляд паромщика, устремленный к стылым океанским водам, говорил о том, что он курил ее достаточно долго, чтобы его нервная система давно превратилась в подобие выжженной чрезмерным напряжением электрической сети.

— Переправиться? Да пожалуйста, — ответил он равнодушно. — Два денье за двоих, еще три — за доспех. Стало быть, всего пять. Паром отчаливает через два часа.

— А далеко ли Грауштейн?

— Пять сотен рут. Только не обычных, а брауншвейгских.

Гримберт мысленно выругался. Воспитанный Магнебодом в почтении к имперской системе мер, он в равной степени хорошо мог считать как в километрах, так и в туазах и лигах, принятых на восточных рубежах, но здешние мерки не раз ставили его в тупик. Не так-то просто навскидку вспомнить, сколько метров будет в брауншвейгской руте и чем она отличается от ганноверской или баденской.

«Серый Судья» охотно пришел на помощь, хоть и не отличался великим умом. Вышло два километра с лишком. Совсем не впечатляющее расстояние, если мерить по суше, но весьма солидное, если речь идет о водах Сарматского океана.

— Отлично. Мой оруженосец заплатит. Но я хотел бы отправиться прямо сейчас.

Это не произвело на паромщика никакого впечатления.

— Паром к Грауштейну отправляется через два часа.

— Ну ты, бездельник! — рыкнул Берхард, теряя терпение. — Разуй свои овечьи бельма! Не видишь, что ли, что перед тобой рыцарь?

Паромщик равнодушно скользнул взглядом по броне «Серого Судьи». Судя по всему, доспех не внушил ему надлежащего благоговения, и Гримберт понимал отчего. Его доспех настолько же походил на тех рыцарей, что рисуют обычно на афишах, возвещая начало какого-нибудь турнира, насколько сам паромщик — на святого Петра. Ни пышного плюмажа, ни выписанного хорошей краской герба на груди, ни свиты — одна

лишь невыразительная серая сталь, и та не полированная, а потертая, обожженная, покрытая оспинами старых попаданий и латками наспех заделанных пробоин. Даже расчехли он оба своих трехдюймовых орудия, едва ли это заставило «Серого Судью» выглядеть хоть сколько-нибудь представительнее.

Орудия были инсбругской работы, и Гримберт втайне ими гордился. Приобретенные не так давно, съевшие их с Берхардом доход за последний год, они не превращали «Серого Судью» в грозного противника, но, по крайней мере, позволяли Гримберту не прятаться в придорожных кустах от стыда всякий раз, когда он слышал приближающиеся шаги бронированного собрата.

— Нынче в Грауштейне рыцарей больше, чем козьего дерьма на тропе, — паромщик сплюнул себе под ноги сгусток синеватой от курева слюны. — Только за сегодня троих перевез. Прут и прут, как черти...

Берхард с глухим ворчанием опустил руку на рукоять суковатой дубинки. Гримберт с удовольствием наблюдал бы за тем, как он преподает паромщику урок хороших манер, а то и сам бы превратил наглеца в кровавую ветошь короткой пулеметной очередью, но с сожалением признал, что в этот раз придется сдержаться.

— Брось этого осла, Берхард, — раздраженно приказал он. — Я на «Судье» переправлюсь по дну, а ты дождись парома и доставь мулов с припасами. Заодно сэкономим пару монет...

— Не советую, сир рыцарь, — паромщик коротко зевнул, продемонстрировав изъеденную ядовитым зельем пасть, полную сгнивших зубов. — Не то придется мне осколки вашего доспеха еще пару дней из воды вы-

уживать. Большие-то хоть на переплав сдать можно, а от мелких одна морока, только дно захламляют...

— Что ты несешь? — Гримберт вновь едва удержался от того, чтобы перерубить его пополам хлесткой пулеметной очередью. — Какие еще осколки?

Паромщик коротко кивнул в сторону океанской глади:

— Донные мины. Их еще в старину ставили, от кельтов, значит. Так и ржавеют с тех пор на доньшке. Взрыватели магнитные, чуткость у них большая. Человека или там корову не тронут, а кто в доспехе вброд пойдет, обратно уже не выйдет, вот как.

Гримберт едва не заскрипел зубами. Стоило это предвидеть. Монастыри монахов-рыцарей часто оборудовались подобно крепостям, возводя многочисленные эшелоны обороны, ему следовало догадаться, что Грауштейн не являет собой исключения. Донные мины — серьезная штука, с такой стоит считаться.

— Ах ты дьявол...

— Да обождите вы, мессир, — буркнул паромщик, выбывая трубку, уже более миролюбиво. — Через два часа переправлю вас на остров, бережно, как Ной — зайчонка. Если хотите знать, на пароме паломники с самого раннего утра ждут, и ничего. Даже рыцарь один имеется, вроде вас, и ждет, как миленький, не злословит.

— Заплати этому мерзавцу пять денье, Берхард. Так что, много народу нынче на острове?

Пять серебряных монет, переданных Берхардом паромщику, не сделали его более приветливым, но немного разговорили. Некоторым металлам свойственно потрясающе влиять на человеческое поведение и образ мышления, подумал Гримберт со смешком. Меди, сере-

бру, золоту. И, конечно же, свинцу. Последний, по его мнению, всегда был наиболее ходовым, способным дать фору даже платине высшей очистки.

— Прежде не особо-то было, по правде говоря. Что им тут делать-то, в северных краях, мышей гонять? А как чудо снизошло, на монастырь, значит, так и поперли, словно грачи на бахчу.

— Сплошь лазариты небось?

Язвы на лице паромщика не походили на печать лепры, из чего Гримберт заключил, что тот не является послушником ордена Святого Лазаря, наибольшее — обсервантом, обслуживающим монастырь и ведущим монашеский уклад жизни.

— Лазаритов-то больше, конечно, каждый день, почитай, прут. Но и обычные люди бывают, даже рыцари.

— Что, всем охота взглянуть на чудо?

Паромщик посерьезнел.

— Пятка святого Лазаря не каждый день мироточит. Столько паломников из окрестных графств собралось, что как бы весь остров под воду не ушел. Каждый день по две-три сотни переправляю. Как приор про чудо объявил, так и началось...

— А много ли там народу скопилось? В Грауштейне?

Паромщик почесал подбородок сухим желтоватым ногтем.

— Рыцарей всякого рода — две дюжины душ, не меньше. А мелкого люду — да тыщи две будет...

Гримберту показалось, что он ощутил тонкий писк зуммера, предупреждающего о захвате цели, тревожный и в то же время неизъяснимо приятный.

— А что настоятель монастыря? — как можно небрежнее осведомился он. — Тоже на острове?

— Это приор-то? А то как же! Проповеди ежедневно читает паломникам.

— Должно быть, очень усердной веры человек.

— Необычайно усердной, — подтвердил паромщик, возясь с кремнем. — Нрав у него, честно сказать, иной раз жестковат, но, как по мне, иной раз лучше жесткая солома, чем мягкая перина.

Гримберт улыбнулся, зная, что за стальным лицом «Серого Судья» его улыбка останется незамеченной.

— Да, — произнес он негромко. — У меня тоже остались о нем именно такие впечатления. Что ж, Берхард, не будем докучать нашему любезному властителю вод пустыми расспросами. Если у нас есть два часа, лучше потратить их наилучшим образом. Например, запастись морским песком и попытаться соскоблить окалину с брони.

* * *

«Серый Судья» шел неохотно, сердито ворча изношенными потрохами, точно немощный старый конь, которого жестокосердный хозяин поставил под плуг, не обращая внимания на жалобы. Потроха эти были не единожды чинены, но все никак не могли притереться друг к другу, отчего Гримберту иной раз казалось, что его доспех норовит развалиться на ходу.

Но «Серый Судья» никогда не разваливался. Он пер вперед с мрачной решимостью стального механизма, слепо выполняя волю своего хозяина и монотонно кляня ее же своим механическим голосом. Иногда Гримберту было почти по-человечески его жаль.

— Главный редуктор дребезжит, — вздохнул он. — И снова течет масло. Заменить бы поршни, да только где в этих краях найти приличную кузницу...

— Три дня марша без передыху любой доспех утрясут так, что гайки полетят, — проворчал Берхард, ведущий мулов впереди. — Не сиделось тебе в Провансе, мессир? Девки там свежие и душистые, как сено, погрёба ломаются от снеди, а дворяне ленивы и беспечны, как ожиревшие коты. Пора урожая наступает... Сколько подвод мы бы успели перехватить? Сколько пустующих замков тряхнуть? А тебя, значит, на север потянуло? Мощам святым поклониться? Ну вот и хлебай, что налито.

— Даже раубриттерам полезно помнить о своей бессмертной душе! — с улыбкой заметил Гримберт. — Чем тебе не нравится север?

Берхард нахмурился, помогая мулу за узду миновать глубокую промоину, образованную отпечатком чьей-то рыцарской ноги. Отпечатков было много, причем свежих, так что мулам приходилось несладко.

— Паршивый край, — буркнул он. — Холодно и мокро, что зимой, что летом. Все хиреет из года в год, земля преет и гниет, а солнца здесь и подавно сорок лет не видали. Как по мне, отсюда даже разбойники давно удрали без оглядки.

Гримберт смолчал, хотя внутренне был согласен с оруженосцем.

Дорога к побережью, по которой они спускались, была столь извилиста и крута, что он с трудом удерживал «Судью» от сползания на залитую жидкой грязью обочину. Еще недавно эта дорога была захиревшей горной тропой, но многие сотни ног, копыт и колес в короткое время превратили ее в нахоженную

колею. Сколько людей прошло здесь за последние дни? Тысячи, судя по этим отпечаткам. Тысячи паломников, устремившихся на зов истинного чуда, пробудившегося в Грауштейне. Тысячи оборванных бедолаг, согласных идти на край света, лишь бы обрести милость святого Лазаря. Но Гримберт жалости к ним, в отличие от доспеха, не испытывал.

В одном месте грязи оказалось столько, что ему пришлось смести бронированным плечом несколько сухих деревьев, чтобы Берхард смог соорудить из них небольшую гать. Это не улучшило настроения оруженосца ни на грош.

— Завязнешь в этой грязи — не жди, что вытаскивать тебя буду, — ворчал он, ожесточенно работая топором, — так и утонешь здесь, паучье отродье. Не знаю, что там за чудеса эта пятка показывает, как по мне, уже чудо, что ты сюда своим ходом дошел. Три дня без остановки, чтоб тебя!

— «Судье» не привыкать к передрягам, — Гримберт мысленно похлопал доспех по щербатой серой броне. — Он у нас тертый старик.

— Это консервная банка, — огрызнулся Берхард. — Ты не хуже меня знаешь, что он едва на ходу. У тебя снова барахлит внутренняя энергосеть. Малейший скачок напряжения в ней, и половина внутренних узлов выходит из строя. Хочу посмотреть, как ты взвоешь, оставшись в разгар боя без целеуказателя или радара...

— Мы заменим проводку и предохранители, как только представится возможность.

Но смягчить нрав старого барона было не проще, чем притупить закаленный сердечник бронебойного снаряда глиняной крошкой.

— Смотри, как бы нам вскоре не пришлось заменить и то, что в середине, — буркнул он, проверяя ногой гать. — Сколько ты уже торчишь в своем доспехе? Четыре дня?

— Три.

— Три! Странно, что твои мозги еще не закипели в черепе, мессир. Тебе стоило хотя бы иногда вытаскивать нейроштифты из головы да выбираться наружу, пока сам в мощи не превратился.

Гримберт слабо улыбнулся, даже не зная, отразилась ли эта улыбка на его лице. Его настоящим лице. Он так давно сросся с тяжелым телом «Серого Судьи», что почти не получал ощущений от того комка плоти, который съезжился внутри серой брони. Даже предельно примитивная, устаревшая и, пожалуй, унижительная процедура ввода и вывода пищи и продуктов жизнедеятельности не могла заставить его надолго отключаться от нейроинтерфейса.

— Прекрати ворчать, старик, — небрежно бросил Гримберт. — Подумай лучше о своей бессмертной душе. Разве мало мы с тобой за последнее время грехов на себя взяли?

— На роту ландскнехтов хватит, — отозвался Берхард, сверкнув острой, как мавританский кинжал, ухмылкой. — Это если после Рождества брать. А если до...

— Вот именно. Так не пора ли воспользоваться случаем, чтобы приникнуть к Божественной благодати, раз уж сам Господь соизволил явить чудо?

— Сарказм удастся тебе не лучше, чем портовой шлюхе — ласка, — буркнул Берхард, мгновенно сбрасывая фальшивую личину. Так с боевого доспеха слетает брезентовое покрытие, обнажая бронированную